

ОБ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПОСЛОВИЦ

Су Цзянь

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
jsu61950@gmail.com

ON THE INTERPRETIVE
FUNCTION OF PROVERBS

Su Jiayan

Summary: The article analyzes the axiological essence of the proverb as one of the genres of folklore, which in fact is the purpose of the study. The situation of the real world is such that there is a need to educate a person - the bearer of national identity, who at the same time has the ability for intercultural interaction.

A multicultural society needs a multicultural personality that translates humanism and tolerance, which opens up opportunities for cultural exchange. One of the effective tools for educating such a person is the so-called reader culture.

Modern science has a significant potential in shaping the reader's culture in the period of youthful maturation, when individuality is transformed most actively.

The author is faced with the task of showing the significance of a separate, special, in addition to storing and transmitting information, interpreting function of language: we are talking about the relationship between language and the human conceptual system. The text of the article contains an analysis of the types of language interpretation in the form of selection, classification and evaluation.

One of the effective ways to convey artistic meanings is wisdom, expressed in the proverbs of different peoples. To understand the nature of a proverb, the author refers to scientific developments that contain criteria for distinguishing between proverbs and sayings. In addition, the article mentions well-known genre typologies that allow to most accurately determine the reasons for the appearance of proverbs, their scope and quality characteristics. Exploring the explanatory meaning of the proverb, the author considers a number of functions, thanks to which the instructive essence of the proverb is realized, which distinguishes this folklore genre at all times.

Keywords: axiological essence, association, interpretation, paremiology, multicultural competence, proverb, relevance, meaning, folklore, reader culture.

Аннотация: Статья посвящена исследованию природы одного из наиболее частотных с точки зрения речевой традиции фольклорных жанров устного народного творчества – пословицы. Акцент в работе сделан на интерпретирующей функции пословицы как законченного грамматически, ритмически и по смыслу суждения, содержащего квинтэссенцию народного опыта в виде рекомендаций, наставлений, сентенций и пр. Наряду с познавательной и коммуникативной функциями, современная лингвистика всё большее внимание уделяет именно интерпретации, которая предполагает, что речевые модели (выражения) приобретают определенный смысл (значение) лишь в рамках универсальной коцептуальной системы, описывающей окружающий мир и доступной для участников коммуникативного акта. Автор наглядно показывает, что смысл и посыл, заложенный в народных пословицах, тесно увязан с процессами концептуализации и категоризации, то есть с тем, как то или иное слово (фраза) осмысливают, дифференцируют (по типам/категориям) и фиксируют результаты познания человеком окружающей его действительности.

Ключевые слова: народный фольклор, пословицы, интерпретирующая функция языка, паремиология.

Пословицы как форма существования народной культуры, а также способ фиксации исторического «житейского» опыта давно пользуются особым вниманием лингвистов и филологов всего мира.

Пословица – отражение «языка культуры», который в свою очередь кодирует «множество смыслов, обусловленных многовековым опытом познания мира народом, являющимся носителем этого языка...» [15]. Доступ к этим смыслам осуществляется посредством овладения знанием об интерпретирующей функции (аспекте) языка – «...данный аспект взаимосвязи языка и концептуальной системы человека проявляется в разных моде-

лях, типах и видах языковой интерпретации» [2, с. 252]. Причем «среди наиболее эффективных способов адекватной авторскому воплощению интерпретации художественных смыслов... нужно отметить концептуальную опору на мудрость, выраженную в пословицах разных народов» [15, с. 70].

Так, А.М. Шуралев, характеризуя язык культуры, предполагает, что благодаря ему кодируется «множество смыслов, обусловленных многовековым опытом познания мира народом, являющимся носителем этого языка...». По его мнению, современная культурология на первый план выдвигает проблему понимания этих закодиро-

ванных смыслов, что «детерминировано степенью эффективности участия индивида в культурном диалоге между культурами разных эпох и диалоге существующих в одно время разных культур между собой. Ключевое значение в активизации такого участия и через него в достижении понимания закодированных смыслов имеет интерпретация» [15, с. 70].

В этой связи обратимся к исследованиям Н.Н. Болдырева, полагающего, что «языковая интерпретация представляет собой вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат репрезентации мира, которая основана, с одной стороны, на существующих общечеловеческих (коллективных) представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это проекция мира, или знание о мире, «погруженное» в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [2, с. 254]. Языковая интерпретация, по мнению Болдырева, способна реализовываться в трех следующих типах, реализующих ее функции: селекции, классификации и оценке [2, с. 255]. При этом селективная функция реализуется в момент физического познания мира, которое приводит «к образованию индивидуальных концептуальных систем, различающихся по структуре и содержанию способами выборочной (селективной) репрезентации мира». Классифицирующая функция связана соответственно «с классификацией объектов и формированием абстрактных понятий и имен для создаваемых классификаций, в таком случае мы говорим о ментальном познании мира. Таким образом, язык используется для обозначения «ментальных действий и состояний, чувств, эмоций: любовь, ненависть, страх, совесть, честь, порядочность, справедливость, доброта» [2, с. 257]. Благодаря этой функции формируется внутренний мир человека с его воображаемыми мирами и событиями, что, в свою очередь, определяется личным опытом взаимодействия с другими людьми, культурным и образовательным статусом индивида. Оценочная функция, в свою очередь, обеспечивает «особый, свойственный именно человеку, стиль языковой интерпретации знания» в виде оценочной интерпретации, то есть оценочной концептуализации и оценочной категоризации. Оценочное выражение языковой интерпретации позволяет индивиду схематизировать любой опыт (объекты, события) «в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры. Это – исключительно языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений» [2, с. 257].

Действительно, одной из важнейших функций языка является то, что он «хранит культурные ценности определенной нации и передает их из поколения в по-

коление... Пословицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Во внутренней форме большинства пословиц содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит» [9, с. 163, 164].

Интересно, что пословица как литературная категория всё ещё не обрела законченного научного силуэта – до сих пор в академическом сообществе, к примеру, нет единого мнения о том, какие формы устного народного творчества относить к пословицам, какие – к поговоркам.

В.И. Даль объясняет пословицу как «краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора [4, т. 3, с. 334]. Поговорка – «слух, молва... Говор речи, толки... || Складная, короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы; поучение, принятое в ходячих выражениях; || условный оборот речи, обычный способ выражаться...|| Слово или речение, какое приговаривают, кстати и некстати, по привычке» [4, т. 3, с. 155].

А.А. Потебня, подчеркивая образный иносказательный смысл пословицы, обозначил ее «сжатой басней» [8, с. 115], при этом «поговорка точно так же, как и эмблема, есть поэтический, то есть иносказательный, образ не сложного сцепления лиц и действий, а одного из элементов этого сцепления, стало быть отдельно взятого лица, качества, действия. Если это так, то поговорка есть элемент басни или пословицы, частью происшедшей из пословицы и басни как остаток, сгущение их, частью недоразвившейся до нее» [8, с. 116]. Как уточняет О.Е. Фролова, для Потебни «в разграничении двух жанров важен критерий синтаксической завершенности/незавершенности [13, с. 47]. Дефиниция пословицы по Д.Н. Ушакову выглядит следующим образом: «Краткое образное законченное изречение, обычно ритмическое по форме, с назидательным смыслом» [12, т.3, стлб. 430]. Поговорка у Ушакова многозначна: «1. Принятое ходячее выражение, обычно образное, иносказательное, не являющееся цельной фразой, предложением (чем отличается от пословицы). 2. То же, что пословица (*неточно*). 3. *только ед.* Разговоры, толки (*обл.*). 4. Говор, произношение (*обл.*). 5. Слово, часто вставляемое в речь, кстати и некстати... (*простореч.*)» [12, т.3, стлб. 347]. Согласно словарю А.П. Евгеньевой пословица – это «меткое образное изречение, обещающее различные явления жизни и имеющие обычно назидательный смысл» [10, т.3, с. 317]; поговорка – «общеизвестное выражение, обычно образное, иносказательное, не составляющее, в отличие от пословицы цельного предложения и не имеющего назидательного смысла» [10, т.3, с. 167].

Согласно исследованию формального различия

пословиц и поговорок, выполненному О.Е. Фроловой, «отвлекаясь от пограничных случаев, когда трудно определить жанр речения», примем, что от поговорок пословицы отличаются «по признаку синтаксической завершенности» [13, с. 49].

Исследуя интерпретирующую функцию пословиц, мы не сможем обойти известные жанровые типологизации, поскольку подобная методологическая процедура позволяет наиболее точно определить причины (целесообразность) появления паремий, область их применения и прочие качественные характеристики.

Итак, приведем ряд примеров. А.А. Потебня писал об образных и без/образных (по его мнению, литературных) пословицах, при этом иносказание и переносный смысл принимались в качестве важнейшего отличительного признака паремии: «Для того, чтобы выражение действительно стало пословицей, нужно взять случай или ряд случаев из другой сферы, нужно чтобы частный случай получил иносказательное значение; тогда он становится и поэтическим произведением и пословицей» [8, с. 113].

По мнению Г.Л. Пермякова существуют 1) клише с образной мотивировкой значения: *Баба с возу – кобыле легче; Волков бояться – в лес не ходить*; 2) народные афоризмы, клише с прямой мотивировкой общего значения: *От добра добра не ищут; Поживем – увидим*. Типология Ю.И. Левина, основанная на модальных характеристиках высказывания, выглядит следующим образом: 1) законы жизни: *Вода камень точит; В семье не без урода; И а солнце бывают пятна*; 2) предписания: *Из песни слова не выкинешь; Куй железо пока горячо*. Словарь В.П. Жукова предлагает функционально-семантическую типологию с тремя группами паремий: 1) пословицы, «которые в настоящее время не употребляются в буквальном, прямом смысле» 2) пословицы, «которые отличаются двойным планом – буквальным и иносказательным»; 3) «выражения, которые употребляются только в буквальном смысле» [цит. по: 13, с. 54-55].

Т.М. Николаева делит пословицы на две группы¹: 1) без условного компонента: *Где тонко, там и рвется; Дыма без огня не бывает; Дареному коню в зубы не смотрят*; 2) содержащие этот компонент: *Была бы шея – хомут найдется; Не пойман – не вор* [7, с. 314-316].

Естественно, что методологическая база типологизации пословиц не исчерпывается тем, предложено выше: в любом случае мы наблюдаем живой научный интерес к богатейшей сокровищнице устного народного творчества (в данном случае русского народа). Толкуя те или иные явления действительности лаконично и, одно-

временно, выразительно, пословицы популярны до сих пор: «На протяжении веков впитывая социально-исторический опыт поколений и широко охватывая разнообразные факты целого ряда эпох, пословицы поистине стали средоточием человеческого разума и глубоко содержательных картин человеческого бытия» [цит. по: 6, с. 6]. Вот что по этому поводу писал Н.А. Добролюбов: «Давно уже у нас обратили внимание на народные пословицы как на выражение народного ума, народной жизни, народного характера». М. Горький, подчеркивая познавательную способность паремий, утверждал, что «...пословицы ... всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги» [цит. по: 6, с. 6].

Изучая пословицы, их функциональное назначение, мы вправе восхититься предельной лаконичностью в передаче знаний о предметах и событиях следующим поколениям, что, несомненно, облегчает постижение смыслов многотрудного жизненного опыта; «афористические народные изречения, подобно произведениям других жанров фольклора, являются устнопоэтической летописью страны» [цит. по: 6, с. 6].

Далее, говоря о разъяснительном значении пословицы, мы должны понимать, что сама попытка помочь человеку понять окружающую реальность, сам факт разъяснения мира в таком фольклорном формате реализуется в ряде других функций, и, прежде всего, в виде дидактики, когда «трудовые лозунги древности» убедительно и просто учат людей работать [цит. по: 6, с. 6]. Действительно, основные правила трудовой деятельности, как и нормы морали и этики формулируются весьма четко: «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*», «*Любовь и труд счастье дают*», «*В народе тот не забудется, кто честно трудится*» и пр. Мы наблюдаем образцы народной практической философии, обобщающей закономерности бытия и человеческого мышления.

Далее, нельзя забывать и тот факт, что паремии язык обогащали: шлифовался навык доходчивого выражения мысли, образного оценивания реальности, в чем собственно и состоит, по мнению М. Горького, «прелесть простонародной речи», ее краткость, которая «создает образ двумя, тремя словами» [цит. по: 6, с. 6].

Мы должны отметить и воспитательное значение пословиц, ведь в них народ судит о социальных отношениях, о сторонах общественной жизни, прославляет положительные начала и критикует пороки. Например, «*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*», «*Где родился, там и пригодился*», «*С волками жить – по-волчьи выть*», «*Работа не волк, в лес не убежит*» и пр. Пословицы актуальны, остры и мудры...

1 Т.М. Николаева выделяет типы пословиц по сложным основаниям (синтаксическим и модальным).

Каждая эпоха, каждый этап жизни человеческого общества пополнял фольклор новыми произведениями, которые были своего рода откликом на происходящее. Как отмечает Ю.М. Соколов, появляясь в какой-то исторический период, в условиях совершенно конкретной «социально-экономической формации, в определенной социальной среде, пословицы продолжают жить века, применяясь к новым социально-экономическим условиям, принаравливаясь к иной классовой идеологии, наполняясь новым социальным содержанием» [11, с. 231].

На самом раннем этапе своего бытования, осмысляя явления окружающей действительности (будь то факторы природы, повадки животных и т.д.), человек стремился понять, изучить, сформулировать происходящее, выработать практические рекомендации, которые касаются общего уклада жизни, социальных взаимоотношений, норм этики и этикета, способов ведения хозяйства. Собственно всего того, что представлялось значимым при любом уровне дохода, воспитания и образования, без чего общество не смогло бы сосуществовать и развиваться: фактически паремии становятся сводом правил, регламентирующих основные социальные отношения. Эта давняя и исключительно прикладная их особенность накладывает отпечаток на текстуальное содержание, фиксируя разные стороны жизни и деятельности людей, их навыки и обычаи. Паремии в силу перечисленных причин обретают поучительную суть, которая отличает этот фольклорный жанр во все времена.

«Современная наука располагает не всеми произведениями малых жанров, многие из них утрачены. Но отдельные произведения этих жанров более близкого нашему времени исторического периода, встречающиеся в памятниках древнерусской письменности, не только сохранились для грядущих поколений, но и стали документальным доказательством популярности их в далеком прошлом» [цит. по: 6, с. 9]. Появившись как результат прямого реагирования на окружающий мир, пословицы до сих пор сохраняют свое практически-утилитарное значение, продолжая служить обогащению и украшению любого национального языка.

Очевидно, что пословицы – наиболее часто используемый инструмент из арсенала народной культуры. Выступая носителем опыта (и отчасти предрассудков) прежних поколений, пословицы составляют образ индивида в рамках определенного культурно-исторического контекста и во многом диктуют его поведение. Ф.И. Гиренок в своей работе «Удовольствие мыслить иначе» пишет: «Событийной стороне жизни пока еще сопротивляется дословность быта. Смыслы, сохраненные повседневностью». Согласимся с этим наблюдением, доавив – смыслы эти сконцентрированы, в том числе, в фольклорном наследии, транслируемом из поколения в поколение, и в немалой степени – в пословицах и поговорках, которые давно стали составной частью общественного сознания, играя роль своеобразных идеологических скреп, обеспечивающих целостность национально-культурной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 222 с.
2. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
3. Волова Л.А., Великая Н.А. Этнокультурный диалог в коммуникативном социокультурном пространстве России: монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2015. 159 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Рус. яз., 1978-1980.
5. Колесникова О.И., Русских Е.В. Развитие читательской культуры у юношества как гуманитарно-педагогическая проблема // Библиосфера. 2016. №2. С. 31-37.
6. Малые жанры русского фольклора: Хрестоматия: Учеб. Пособие для филол. спец. вузов / Сост. В.Н. Морохин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1986. 399 с.
7. Николаева Т.М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии // Малые формы фольклора. Сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова / РАН. Ин-т востоковедения. Отв. ред. В.В. Иванов. М.: Вост. Лит., 1995. С. 311-324.
8. Потенба А.А. Теоретическая поэтика. СПб.: Академия, 2003. 384 с.
9. Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / Алефrienко Н.Ф., Зимин В.И., Добровольский Д.О. и др. Владимир: изд-во ВЛГУ, 2017. 231 с.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.
11. Соколов Ю.М. Русский фольклор: Учебное пособие. 3-изд. / Отв. редактор В.П. Аникин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: «Терра» – «Тетта», 1996.
13. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 320 с.
14. Хазова С.А. Поликультурная компетентность педагога: монография. Майкоп, 2015. 104 с.
15. Шуралев А.М. Формирование читательской поликультурной компетенции в процессе ассоциативно-фольклорной интерпретации художественного текста // Литература в школе. 2021. № 4. С. 67-76.

© Су Цзянь (jsu61950@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»